

Историческое значение национальной идеи и национальной идентичности в государственном строительстве

**Владимир Сергеевич
ГОРБАНЬ,**

заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного Центра философско-правовых исследований Института государства и права РАН, доктор юридических наук
gorbanv@gmail.com
129019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Историографические исследования концептуализации национальной идеи в политико-правовых учениях¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы историографии такого феномена, как национальная идея или национальное самосознание, присутствующего в истории политической и правовой мысли на всех ее этапах и проявляющегося в той или иной степени в различных вариантах трактовки и обсуждения основных смысловых характеристик права и государства. Актуальность и востребованность исследуемой проблематики связана с отсутствием надлежащего освещения данного вопроса в науке истории политико-правовых учений, с наличием существенных неточностей и пробелов в интерпретации содержательных моментов относительно смысла и значения национального самосознания в сфере государства и права, а также с необходимостью переосмысления существующих подходов к распознаванию национальной идеи как атрибута политико-правовой культуры. Решение проблемы распознавания и надлежащего учета роли и значения национальной идеи, национального сознания в уяснении смысла политических и правовых учений прошлого и современности видится в понимании их как необходимой в каждом случае почвенной культурной среды, которая и делает возможным представление о праве и государстве как исторически конкретном явлении.

Ключевые слова: национальная идея, историография, политико-правовые учения, российская историографическая модель, философия истории, национальные типы развития права, методы историографии права, общественно-религиозное сознание

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.068-076

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12.07.2024 № 075-15-2024-639).

Vladimir S. GORBAN,

Head, Department of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law;
Head, Interdisciplinary Center for Philosophical
and Legal Studies of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Dr. Sci. (Law)

gorbanv@gmail.com

10, ul. Znamenka, Moscow, Russia, 129019

Historiographical studies on the conceptualization of the national idea in political and legal thought

Abstract. *The article explores the historiographical issues of the phenomenon of national idea or identity, which has been present in political and legal thought throughout history and manifested itself in various ways through different interpretations and discussions of the fundamental characteristics of law and state. The relevance of this topic stems from the lack of adequate coverage in the field of the history of political doctrines and the presence of inaccuracies and gaps in interpretations regarding the significance of national identity within the context of state and law. Furthermore, there is a need to reassess existing approaches to understanding the national idea as a component of political and legal culture. The solution to the problem of understanding and properly considering the role and significance of the national idea and national consciousness in interpreting the meaning of political and legal theories of the past and present can be found in understanding them as necessary cultural contexts in each case. This allows us to view the idea of law and state as historically specific phenomena.*

Keywords: *national idea, historiography, political and legal doctrines, Russian historical model, philosophy of history, national types of law development, methods of legal historiography, socio-religious consciousness*

В истории политической и правовой культуры идея национального самосознания всегда была одной из смыслообразующих величин. Вся история интеллектуального и духовно-нравственного творчества может быть показана как развитие двух начал — всеобщего (наднационального, универсального) и отдельного (национального). Конечно, современная наука может задаться вопросом: как и когда возникает национальная идея? Что такое национальное самосознание? Когда на эти вопросы отвечают с помощью статистики и социологии, вводят шкалу мер и набор признаков, по которым должны производиться соответствующие замеры, то это напоминает увлеченные попытки ученых конца XIX — начала XX в. просчитать на счетах социологии учение о морали и нравственности. Желание подчинить все науки математическому методу редко оставляло равнодушными философов (таких как В. Вейгель, И. Кант и многие другие). В XVII в. грезили о пантометрии, которая должна была помочь точно измерить

весь мир, включая и всю социальную жизнь². До чего может довести гипертрофированное увлечение математикой в социальных науках, убедительно показывает произведение русского писателя Е. Замятина под названием «Мы»³.

Часто под национальной идеей предлагается понимать характерную черту народа или набор таких черт, которые емко и более или менее точно рассказывают, так сказать, об историческом типе характера народа, его культурном и ментальном облике. Она может пониматься в смысле такого начала, которое, собственно, объединяет народ в единство и укрепляет его целостность, задает направление его развития и определяет место в исторической панораме человечества. И поэтому для многих исследователей представляется весьма привлекательным дать или потребовать конкретную характеристику национальной идеи, назвать ее в виде лозунга, призыва.

Попытки рассказать о национальной идее в виде краткого тезиса или лапидарных выражений всегда граничат с различными упрощениями, схематизациями, что нередко служит и для того, чтобы недобросовестные и недальновидные писатели представляли различные народы в виде одного штриха. В итоге одни народы оказываются искателями правды и справедливости, другие, напротив, лишаются истории, культуры, объявляются сплошь и рядом нигилистами. Так, Л. Н. Толстого зарубежные юристы, а в след за ними и некоторые отечественные, записывают в правовые нигилисты и объявляют это чуть ли не общей чертой русского правового менталитета. Г. Радбрух, знакомясь с идеями Л. Н. Толстого лишь в пересказе, другим писателям и поэтам выдал индульгенцию на право отказываться от юридической профессии, критически отзываться в адрес действующего права, но русскому писателю почему-то отказал⁴. Но, спрашивается, разве есть какая-то разница между всеобъемлющей верой Л. Н. Толстого в нравственность и аналогичной верой И. Канта в силу морального закона? Для сравнения можно привести работы В. Гюго и А. Дюма, описывающих правовую жизнь во Франции, особенно письмо В. Гюго итальянским издателям его романа «Отверженные»⁵. Означает ли это, что Франция — страна беззакония и нигилизма?

Немало примеров того, как историю для других стран пишут где-то вдалеке, по своим простоватым и незатейливым меркам и лекалам.

Вопрос о национальном сознании в области политико-правовой культуры — это не вопрос слепого самолюбования, отрицания связей с другими культурами, мировой историей. Подобными практиками как раз увлекаются сплошь и рядом в странах Западной Европы. Это вопрос о национальном характере в вопросах права и государства, о типе развития национальной политико-правовой культуры, о представлениях народа о справедливом и лучшем для него, для обеспечения его жизненных и мироустроительных целей и забот.

Начните изучать право любой современной, так сказать, цивилизованной и высокоразвитой страны не с простеньких и часто недостоверных оценочных

² См.: *Спекторский Е. В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. Варшава, 1910. Т. 1; *Его же.* Проблема социальной физики в XVII столетии. Киев, 1917. Т. 2.

³ См.: *Замятин Е. И.* Мы // Избранные произведения. М., 2000.

⁴ *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004. С. 111—112.

⁵ См.: *Гюго В.* Несчастные. СПб.: О. Н. Попова, 1902.

шаблонов и этикеток о высоком и всегда положительном, а с местных газет и хроник, полицейской статистики, журналистских расследований, судебных и нотариальных дел и статистики, данных надзора за законностью, криминальной статистики, сообщений и жалоб профессиональных сообществ, национальной литературы и т.п., и сразу реальность окажется другой. Этот же прием нужно использовать и в истории, в исторических исследованиях государства и права.

Кроме того, любому исследованию можно придать характер не критического и научно-терминированного изложения, а поэтически-тропированного, как это часто бывало в юридической литературе (например, в трудах П. И. Новгородцева), и читатель, даже квалифицированный, невольно воспринимает национальную историю европейцев исключительно как историю поиска справедливого и лучшего, историю благодетелей и добродетелей. Например, немецкая юридическая литература всегда борется за свой национальный характер⁶. Известный немецкий историк права Ф. Виакер также убедительно и на основе широчайшего круга источников показал, что развитие немецкого национального правосознания — это долгий и тернистый путь постепенного и исторически весьма медленного обретения немцами своего места в общеевропейской, римской по происхождению правовой картине⁷.

Национальная идея, по крайней мере в области истории политической и правовой мысли, представляет собой собирательный образ, складывающийся из множества элементов. Она проявляется как набор черт и признаков, которые возникают, формируются и эволюционируют в культуре народа. То, какие условия, причины, основания и факторы влияли на формирование культурного облика народа, его убеждения и верования, его идеалы и жизненную практику, может и должно распознаваться с помощью разнообразных методов и приемов исследования. Однако принцип, лежащий в основе всей такого рода модальности, заключается в том, что не существует и не может существовать в современном мире никакого квазимифологического патентного ведомства, которое наделялось бы правом раздавать другим народам интеллектуальные лицензии на право иметь историю, философию, политическую мораль, правовые убеждения, национальное самосознание и идею, выражающую его наиболее концентрированным образом. Наука, дающая плоды только в своем конкретном национальном преломлении (по словам Ф. М. Достоевского), может быть только суверенным знанием, и только в таком случае она, подобно суверену вообще, — «всегда защитник своего государства и народа»⁸.

В литературе нередко утверждается, что философия той или иной европейской страны носит светский характер, освободилась от общественно-религиозного сознания. Но это, скорее, миф, который транслируется для несведущего сознания

⁶ См.: *Gierke O.* Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. 1: Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft. Unveränd. photomechan. Nachdr. der 1. Ausg Darmstadt: Wiss. Buchgemeinschaft, 1954.

⁷ См.: *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. 3., durchgesehene Auflage. Göttingen, 2016.

⁸ *Румянцева В. Г.* Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 11 (111). С. 170.

и наблюдателя. Она, скорее, рядится и облекается в светские одеяния, даже меняет язык своих суждений, но сами категории мышления, сюжеты и принципы миропонимания остаются теми же, которые на протяжении веков усвоило себе сознание европейца, сознание глубоко религиозное, в частности католическое или протестантское.

Русская ментальность и духовность тесно связаны и пронизаны православием и его основными категориальными конструкциями и смысловыми сюжетами. Для русской национальной культуры тема правильного пути, учительного повествования, соединенных с имплицитно присутствующей свободой выбора, естественным образом включена в ее ткань. Напротив, для католической или протестантской философии европейцев, основанной на религиозном догмате об отрицании свободы воли, логическое доказывание свободы воли становится краеугольным камнем и путеводной нитью.

Русской культуре как бы ставится в вину отсутствие в ней подобного раскола. Вместе с протестантизмом европейцы приобрели не свободу, а лишь ее определенное понимание в русле соответствующего типа общественно-религиозного сознания. И то, что развитие наук и философии в Европе совпадало с религиозными убеждениями, лишь придавало сил и уверенности соответствующим писателям. Поэтому Канты, Гегели и другие немецкие философы представляют собой неотъемлемую часть национального самосознания немцев, отражая его в себе и наглядно демонстрируя в своем творчестве. Они, безусловно, являются важной частью истории философской мысли. Но было бы явно наивным полагать, что — пусть даже технически и логически весьма проработанная — протестантская философия должна рассматриваться не как познавательное решение некоторых гносеологических проблем философии, а как универсальная и наднациональная философия, которая понимает, распознает и учитывает мировоззренческие особенности и культурные черты других народов.

П. Фейербах писал о том, что немецкая юридическая наука хорошо видит себя и горделиво не обращает внимание на других, но в других странах наука о праве выглядит даже в своей сути совсем иначе, отмечая, что ни в Англии, ни во Франции нет юридической науки в привычном для немца понимании. Отсюда настоящая наука о праве виделась ему как универсальная юриспруденция, основанная на сравнительном изучении национальных правовых порядков⁹. Похожим образом рассуждал позднее Р. Иеринг в своем «Духе римского права...»¹⁰. Аналогичную мысль в более широком значении использовал в основе своего много томного сочинения «Сравнительная психология народов» В. Вундт, посвятивший отдельный том праву¹¹.

Важным источником изучения национального самосознания является история национальных литератур. Обычно юридическая наука не уделяет должного внимания этому виду источников. Однако делается это незаслуженно и

⁹ См.: *Feuerbach P. J. A. Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. München, 1810.*

¹⁰ См.: *Jhering R. Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. Leipzig, 1852.*

¹¹ См.: *Wundt W. Völkerpsychologie: eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Teil: Bd. 9: Das Recht. Leipzig : Kröner, 1918.*

необоснованно. Общая литература представляет собой ценнейший материал для совершенствования научных знаний и углубления представлений о сущности, назначении и роли права и государства. Но в него включаются отнюдь не только строго научные трактаты и сочинения. Это проповеди и послания, мифологические верования, фольклор, героический эпос, беседы, диалоги, свидетельства и сообщения, церковно-монашеская литература, поэзия вагантов, трубадуров и миннезингеров и т.д. Так, если обратить внимание на то, что такое национальная литература европейцев в Средневековье, то на фоне некоторых латинских произведений церковно-монашеской литературы, попыток излагать христианское вероучение с помощью логики античных философов, прежде всего Аристотеля, она представляла собой еще крайне слабо развитое явление, которое намного точнее характеризует культурный облик средневекового европейского общества, чем сочинения, например, католического монаха Фомы Аквинского.

Русская литература уже в XI в. имеет авторские сочинения (например, пасхальная проповедь Илариона «Слово о Законе и Благодати»), не имевшие аналогов в сопоставимых и ближайших для сравнения традициях, что само по себе говорит о важной черте древнерусской культуры. О важности изучения общей литературы в контексте истории философии права писал Г. Ф. Шершеневич¹², еще раньше о роли художественной литературы, особенно романов, для раскрытия психологических закономерностей права как одной из сфер умственной деятельности человека — автор первой в русской литературе психологической теории права П. В. Деларов¹³.

Юридическая литература расцветает только в эпоху, когда ее создают и пишут на национальных языках. Только с конца XVIII в., когда юридические сочинения печатаются на национальных языках, появляются в изрядном изобилии многочисленные сочинения философов, юристов. Показательно творчество Г. Гуго, автора первого на немецком языке учебника по истории права¹⁴. Вся европейская история политико-правовой мысли представляет собой попытку, тянущуюся веками, дорости до античной грамматики римского права и логики греческой философии. И только в XIX в. заметно, как национальное сознание европейских народов начинает сознавать себя и учиться думать на родном языке.

Успехи языкознания открыли для философии и юриспруденции новые горизонты национально-ориентированных и сравнительных исследований. Лингвистическая философия подсказала юристам возможный синтез права и языка. Этим в XX в. воспользовался, например, английский юрист Г. Харт, который сформулировал неопозитивистскую и неоаналитическую (по английской версии) концепцию понимания права¹⁵, опирающуюся не на лингвистическую философию как таковую, а на лингвистическую философию английского языка. Морфологические

¹² См.: Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб. : Лань, 2001.

¹³ Деларов П. Очерки по энциклопедии права : Очерк 1. О праве в ряду других сфер умственной жизни человека. СПб. : Тип. Б. Г. Янпольского, 1878. Т. 1. С. 90—92.

¹⁴ См.: Hugo G. Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Teil: Zweyter Band: Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. Berlin : Mylius, 1799.

¹⁵ См.: Hart H. The concept of law. 3th ed. Oxford : Oxford Univ. Press, 2012.

характеристики последнего стали принципами правопонимания: открытая текстура, принципиальная незавершенность, контекстуальность и т.д.

На самом деле Харт под видом юридической концепции искусно изложил природу английского языка и характерного для него типа бытийно-лингвистической связи. Часто исследователи творчества Харта даже не задумываются о такой творческой хитрости, хотя, вполне возможно, даже неумышленной. Однако морфологическая природа флективных языков, например русского или греческого, на котором писались сочинения классических философов, другая. Это диктует необходимость формирования теории права, основанной на природе русского языка, который не допускает существования морфологически незаконченного образа действительности, в отличие от английского.

Еще в конце XIX в. приобрели популярность варианты истолкования права, которые фокусировались на роли общения. Уже в 1870-х гг. появилась объемная и теоретически многосложная концепция понимания права на основе принципа взаимного признания (Р. Бирлинг)¹⁶. Коммуникативный аспект жизнедеятельности человека стал популярным в XX в. и остается таким в начале XXI в. Так, Р. Бирлинг называл людей, живущих вместе в правовой общности, правовыми товарищами. Для его теории связь человека с определенным кругом общения — церковной общиной или государством — является одним из признаков идентификации себя как субъекта права и правового общения. Но и для правового общения нужно осознание себя, самосознание индивидуума и народа.

Русская национальная политико-правовая культура во всех ее многосложных аспектах, впрочем, как и любая другая, есть одновременно и часть мировой истории политико-правовой мысли, и совершенно самостоятельный тип развития. Она самостоятельна по своему национальному портрету, по своей, так сказать, патрологии, композиционному сюжету и средствам выразительности, мироощущению и событийному ряду. В науке истории политико-правовой мысли, как и в целом в историографии, существует ложный барьерный риф, который был введен в XVIII в., в эпоху радикального приобщения к западноевропейским стандартам жизни. Вся предшествующая русская история рисовалась как отсталая и архаичная. Здесь уместна одна аналогия. Г. Г. Шпет, известный русский филолог и философ истории, писал о том, что в начале XX в., когда он занялся изучением философии истории, вся мысль до Канта объявлялась просто-таки примитивной и не заслуживающей внимания¹⁷. То же самое писал о «социальной физике» XVII в. замечательный русский ученый-юрист Е. В. Спекторский¹⁸.

В глубокой, составляющей сокровищницу мировой культуры, русской философской и юридической литературе, особенно досоветского периода, часто мысль оказывалась заложницей ложного посыла о том, что образец, эталон для настоящей правовой и политической жизни хранится где-то на Западе. Как будто там знают, что такое право?! Например, в 1847 г. берлинский прокурор и известный немецкий ученый Ю. Кирхманн под влиянием исторической школы

¹⁶ См.: *Bierling E. R.* Juristische Prinzipienlehre. Teil: Bd. 1. Freiburg i. B. [u.a.]: Mohr, 1894.

¹⁷ *Шпет Г. Г.* История как проблема логики: критические и методологические исследования. М., 2011. С. IV—V.

¹⁸ См.: *Спекторский Е. В.* Указ. соч.

права выступил с докладом, позднее изданным в виде брошюры, под названием «О бесполезности юриспруденции как науки»¹⁹. Год спустя у Маркса появляется мысль об отмирании права и прочих химер в виде морали, философии, религии по мере достижения ожидаемого им социального идеала.

Политико-правовая культура, правовое сознание и политическая мораль должны быть почвенными. П. Флоренский писал: «Какая разница между одеждой на вешалке и той же на живом теле? Такая же и между идеей, отвлеченно, вне культурной среды, взятой и идеей в ее живой связанности с культурой»²⁰. И. С. Аксаков утверждал: «...вне народного нет ничего реального, жизненного, и всякая мысль благая, всякое учреждение, не связанное корнями с исторической почвой народной... не дает плода и обращается в ветошь»²¹. Наконец, опираясь на концепцию философии истории Н. А. Бердяева²², можно сказать, что право и государство рождаются и эволюционируют как исторически конкретные явления, как конкретная реальность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. — М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. — 636 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. — М. : Мысль, 1990. — 173 с.
3. Величко А. М. Нравственные и национальные основы права. — СПб. : Изд-во Юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2002. — 156 с.
4. Гюго В. Несчастные. — СПб. : О. Н. Попова, 1902. — 823 с.
5. Деларов П. Очерки по энциклопедии права : Очерк 1. О праве в ряду других сфер умственной жизни человека. — СПб. : Тип. Б. Г. Янпольского, 1878. — Т. 1. — 552 с.
6. Замятин Е. И. Мы // Избранные произведения : роман; рассказы. М. : Синергия, 2000. — 397 с.
7. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. — М. : АСТ ; Хранитель, 2006. — 510 с.
8. Радбрух Г. Философия права. — М. : Междунар. отношения, 2004. — 240 с.
9. Румянцева В. Г. Государственный интерес: власть суверена по умолчанию // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11 (111). — С. 165—170.
10. Соловьев В. С. Философская публицистика : в 2 т. — М. : Правда, 1989. — Т. 1. — 687 с.
11. Спекторский Е. В. Проблема социальной физики в XVII столетии. — Варшава : Тип. Варш. учеб. окр., 1910. — Т. 1—2. — 563 с.

¹⁹ См.: Kirchmann J. Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. Berlin : Springer, 1848.

²⁰ Флоренский П. А. У водоразделов мысли: (черты конкретной метафизики) : в 2 т. М., 2013. Т. 2. С. 29.

²¹ Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. М., 2008. С. 169—170.

²² Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990.

12. *Спекторский Е. В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. — Киев : Лито-тип. С. Кульженко, 1917. — Т. 2. — 635 с.
13. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли: (черты конкретной метафизики) : в 2 т. — М. : Академический проект, 2013. — Т. 2. — 607 с.
14. *Шершеневич Г. Ф.* История философии права. — СПб. : Лань, 2001. — 525 с.
15. *Шпет Г. Г.* История как проблема логики: критические и методологические исследования. — М. : URSS, 2011. — 475 с.
16. *Bierling E. R.* Juristische Prinzipienlehre. — Teil: Bd. 1. — Freiburg i. B. [u.a.]. — Mohr, 1894. — 350 S.
17. *Feuerbach P. J. A.* Blick auf die deutsche Rechtswissenschaft. — München : Fleischmann, 1810. — 32 S.
18. *Gierke O.* Das deutsche Genossenschaftsrecht. Bd. 1 : Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft. Unveränd. photomechan. — Nachdr. der 1. Ausg Darmstadt : Wiss. Buchgemeinschaft, 1954. — 1111 S.
19. *Hart H.* The concept of law. — 3th ed. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2012. — 333 p.
20. *Hugo G.* Lehrbuch eines civilistischen Cursus. Teil: Zweyter Band: Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts. — Berlin : Mylius, 1799. — 405 S.
21. *Jhering R.* Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Erster Teil. — Leipzig, 1852. — 336 S.
22. *Kirchmann J.* Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft: ein Vortrag. — Berlin : Springer, 1848. — 44 S.
23. *Wieacker F.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. 3., durchgesehene Auflage. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2016. — 659 S.
24. *Wundt W.* Völkerpsychologie: eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte. — Teil: Bd. 9. — Leipzig : Kröner, 1918. — 484 S.